

ГЕРМЕНЕВТИКА ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 октября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика методологических установок герменевтики философского дискурса в контексте процессов нарастающей институциализации знания в современном мире. Автор выявляет специфические черты данного процесса, а также его влияния на природу философского творчества в его герменевтическом истолковании.

Ключевые слова: герменевтика, философский дискурс, институциализация, формализация, производство знаний.

Abstract: the article deals with the problem of the hermeneutics of the philosophical discourse in the context of knowledge institutionalization. The author marks main specific features of philosophical knowledge nowadays in its connection with the problem of interpretation.

Key words: hermeneutics, philosophy, discourse, formalization, production of knowledge.

Герменевтическая парадигма истолкования и понимания философских текстов имеет давнюю традицию. Представляется возможным заключить, что герменевтика философского текста возникла задолго до того, как в контексте философского дискурса серьезной рефлексии была подвергнута и концептуально зафиксирована проблематика герменевтического как такового. Это в конечном итоге и так называемый всемирный философский процесс, история философии в ее имманентной составляющей как не постоянная интерпретация интерпретаций интерпретированного, да простит нас читатель за столь неказистый оборот (к сожалению, зачастую, выражение философской мысли требует определенной, не всегда эстетически приятной, трансформации привычных конструкций и сочетаний языковых составляющих). Ранее мы уже касались подобной проблематики, концептуально представляя модель истории философского дискурса как процесса сменяющих друг друга интерпретаций, способных иметь различные векторы понимающей и истолковывающей интенциональности, в смысле эпигонального интерпретирующего развития рассматриваемого текста, заключающего в себе ключевую идею. В данном случае задача интерпретатора (мыслителя) – путем истолкования указать на преемственность между собственными идеями и исходной концепцией истолковываемого текста, корпуса текстов, традиции мысли (направления) взятого и рассматриваемого как текст, точнее, метатекст в данном случае. Здесь, конечно же, мы несколько огрубляем действи-

тельное положение дел, идя против изначального смысла эпигонства в интерпретации. В действительности, эпигональная интерпретация скорее включает рассматриваемый текст в качестве своего следствия, инверсируя хронологию сосуществования текстов в обратном порядке.

Вопрос здесь в другом. Традиционная герменевтика осмысливает текст как презентацию некоторого единственно верного, аутентичного смысла, стоящего за ним, – противостояние направлений, замкнутых на изучении и истолковании одного и того же текста порою достигало невообразимого накала, вследствие данного предположения. Здесь вспомним александрийскую и антиохийскую традиции в толковании текстов Священного Писания; резкую, почти враждебную риторику семинара Э. Кассирера и М. Хайдеггера в Давосе. Примеров тому – масса.

Одно из основных заблуждений, касающихся проблематики интерпретации философского дискурса и текстов, соответственно, заключается в том, что традиции философствования придают своеобразный однородный характер, – однородный в том исконном смысле, что, несомненно, ставя одни тексты выше других по значимости, пытаются в конечном итоге увидеть в любом философском труде результат некоторого интеллектуального, духовного процесса, пронизанного искренностью творчества и исполненного чистотой сугубо научных помыслов.

Подозрительное отношение к сущности философского творчества, возможной изолганности его сути, неискренности и нечистоте помыслов творцов философии, пожалуй, впервые зарождается уже у Ф. Ницше – титана мысли, истязавшего себя собственным мышлением, настойчиво пытаясь добраться до сути метафизического вопрошания (вспомним язвительные выпады Ницше по отношению к Сократу и его деятельности в Афинах). Для Ницше «метафизик» – это типичный носитель чувства «рессентимент», злобно-завистливого нрава личности, обделенной благородством и полнотой жизненных сил, в силу слабости и трусости не способной броситься в пучину «борьбы за власть». Ницшеанское «философствование молотом» как проверка на прочность сердцевины философских систем – первый серьезный вызов философствованию как сложившейся в рамках культуры целостной тенденции, проверка авторов на то «пишут ли они кровью».

Действительно, зачастую мы подходим к философскому тексту в аспекте попытки понять его смысл, суть, идею, настроение, культурный контекст и настрой, стоящие за ним. Такой подход к интерпретации достаточно популярен и распространен. Вместе с тем проблема может быть увидена под другим углом зрения, с точки зрения вполне здравого вопроса: каков мотив авторского творчества; является ли его творчество таковым либо это есть лишь завуалированная симуляция подлинного философского процесса, вызванная к жизни совершенно далекими от философии причинами и факторами.

Один из авторитетнейших отечественных исследователей античной культуры и философии А. И. Зайцев, который в отличие от А. Ф. Loseva сам не являлся искушенным метафизиком и спекулятивным диалек-

тиком, что в данном случае является маркером непредвзятости в рассмотрении античной философии как социокультурного феномена, стоит на весьма интересной концептуальной позиции: философия (античная) для него не есть некий феномен, воспаряющий над другими сферами культуры, но, напротив, имманентно принадлежит к повседневной сфере античного бытия (Др. Греция) и порождается ни чем иным как поиском новых форм, способных удовлетворить греческую жажду к состоятельности, соисканию славы и популярности. Искусство, спорт, поэзия, а затем и философия есть лишь в сущностном статусе своей формы, в которых поэтапно выражает себя «агональное» начало, присущее грекам. Философ становится публичным действующим лицом античного общества, не может существовать без публики, в противном случае его философствование не обретает своей искомой цели – создания мифа героя-мыслителя. Мы можем продолжать дальше – философ постоянно ищет публику и пытается запечатлеть собственную персону в ее сознании, а через него – и в сознании культуры. Философу мало того, что он обрел некую «истину», которой, вероятно, уже обучил себя, – он желает донести ее до других, порой весьма навязчиво вмешиваясь в их жизнь (Сократ, Диоген и др.).

Суть изложенного выше не в том, чтобы упрекнуть философию и философов в намеренной неискренности, некоем подобии фальсификации их занятий мудрствованием. Нет. Имелось в виду следующее. Обращаясь к изучению наследия того или иного мыслителя, либо некоторого конкретного философского произведения, мы должны учитывать по возможности все мотивы, приведшие к его созданию в том виде и том содержании, которыми оно обладает. В данном аспекте наша изначальная методологическая и герменевтическая установка должна быть сориентирована таким образом, чтобы вычленил в произведении те моменты и нюансы, которые вовсе не относятся напрямую к самой имманентной среде философского творчества. Таковыми сопутствующими структурными измерениями определенного произведения либо цикла трудов автора можно считать не только так называемый социокультурный, личностно-биографический, но также общественно-статусный контекст жизни мыслителя и учитывать все это при обращении к его трудам.

Поднимая далее искомое измерение исследуемого вопроса, хотелось бы остановиться на феномене институционализации знания и тех последствиях, которые данный процесс привнес в природу и специфику именно философского творчества. Первые попытки институционализации философского знания и дискурса трудно отследить. Едва ли представляется возможным определить Академию Платона, Ликей Аристотеля, пифагорейский союз и уж тем более «Сад» Эпикура в качестве неких официальных, легитимизированных структур общественной жизни. Скорее всего институционализация философского знания происходит в эпоху Нового времени, синхронно совпадая с возникновением светских научных структур в рамках структуры общественной жизни. Философ из вольного, свободного творца, мудреца трансформируется в официальную долж-

ностную единицу определенного научного заведения, которое наделяет его по долгу службы достаточно жестко фиксированным набором прав и вполне конкретных обязанностей. Возникают вполне закономерные, даже фатально неизбежные вопросы – каким образом это сказывается, будет сказываться на его творчестве, приобретет ли оно от этого некий сущностно иной в принципиальном смысле характер; не привлекут ли созданные институциональные структуры философского знания персон, совершенно не имеющих к философии отношения ни по своему духу, ни по интеллектуальной предрасположенности. Как показывает жизненный опыт и даже некая историческая статистика – созданные структурные институциональные вакансии, при условии, что они способны сообщить индивиду достаточно комфортный уровень существования, начинают заполняться в первую очередь не теми, кто действительно соответствует этим структурным единицам, но теми, кто на первый план своей жизни выдвигает именно прагматику существования. Некая мировоззренческая искренность греческих софистов, в этом бесспорно следует отдать им должное, заключалась в том, что они не пытались манифестировать себя в качестве учителей мудрости, а свое занятие – как дело научения мудрости людей. Софисты не скрывали, что никакой такой мудрости они никого не учат, но могут дать прагматику логических ухищрений, сумму риторических приемов и методов, способных некоторым образом способствовать человеку в решении тех жизненных задач, которые требуют усилия слова наряду с усилием дела, – только и всего.

Так ли ведет себя философ, ставший теперь официальной фигурой, благодаря общей тенденции институционализации знания, – ведь теперь он официально уполномочен и обязан подотчетно генерировать «мудрость»? Не искажает ли это его собственных мыслей и интересов, не заставляет ли молчать о том, о чем ему надо в первую очередь говорить, и, наоборот, говорить то, что вписывается в некую общую устойчивую конъюнктуру? Обращаясь к истории философской мысли, мы отчетливо видим, что многие фундаментальные философские идеи и труды были созданы именно в отрыве от официальной академической мысли и среды, здесь уместно вспомнить о А. Шопенгауэре, С. Кьеркегоре, Ф. Ницше и др. Контраргументом указанным фактам и их следствиям выступают примеры, когда значимые для философии труды ковались внутри самой академической среды и их авторы являлись не только подлинно глубокими и плодотворными мыслителями, но и не менее крупными академическими фигурами. Почему для кого-то такое совмещение возможно, а другой, напротив, может творить только в ситуации полного разрыва с любыми официальными академическими структурами? Думается, ответ на данный вопрос не находится на поверхности. Ведь сами структуры, как и культура, претерпели со временем значительное изменение, трансформации, которые были зафиксированы некоторыми исследователями уже в начале XX столетия. Например, О. Шпенглер вполне резонно связывал упадок метафизического дискурса с истощением западноевропейской духовности, переходом культуры в стадию цивилизации, в состояние приорите-

та внешнего над внутренним, воспроизводства над творчеством и т.п. Г. Зиммель зафиксировал данный феномен как разрыв гармоничного сочетания «формы» и «содержания», когда формальное в культуре и жизни начинает получать куда больший приоритет, нежели содержательное как таковое. Но если О. Шпенглер и Г. Зиммель говорили о культуре Запада, то сейчас возможно говорить о том, что данный феномен утилитаризации, формализации и овнешневения стремительно распространился в большинстве регионов мира. Является ли Запад тому виной или нет – вопрос остается открытым. На лицо лишь явная дисгармония между действием и созерцанием, когда действие рассматривается как имеющее смысл в том случае, если оно создает что-то осязаемо материальное, рассматриваемое как уже достаточное для его оправдания, независимо от содержания плода этой деятельности (мы имеем в виду плоды интеллектуального творчества). Отсюда современная философия, равно как и ее результаты, можно рассматривать как некий неосхоластизм, как воспроизводящее интерпретирование, имеющее своим содержанием (в большинстве случаев) герменевтическое раскрытие самых мельчайших нюансов прежних текстовых массивов. На языке Г. Гессе – это своеобразная «игра в бисер», которая находит своих сторонников и социокультурный топос в силу институционального характера наук в современном мире, но не содержит в себе «мудрости». Сказанное не стоит воспринимать в плане суда и оценки (для отстраненного мышления нет плохого и хорошего) – это констатация факта и тенденции, имеющие место в той новой реальности, которая стремительно нарождается с начала XX в. Ж. Делёз вполне справедлив, утверждая, что философия создает, генерирует концепты, а философ является их своеобразным «промоутером», с единой лишь оговоркой – философия становится таковой по мере того, как нарастает степень институционализации форм знания и уподобление сферы познания науки структуре производственной машины, чье существование оправдано функционалом производства. Это вполне объясняет стремление таких мыслителей, как Ф. Ницше или М. Хайдеггер, искать истину жизни и бытия у греков, в особенности у досократиков, поскольку остается только верить в это, по всей видимости, их мышление еще не было тронуту указанной выше тенденцией.

Двигаясь в сторону заключительно слова, следует отметить ряд важных итогов данного рассуждения. Во-первых, исследователь, обращаясь к тому или иному тексту, просто обязан сразу же вскрывать все контексты, лежащие в основе его создания, особенно выделяя для себя то, насколько оно испытало на себе эффект институционализации знания. Во-вторых, не следует искать мудрость и истину с большой буквы там, где степень институционального присутствия и эффекта значительна. Подобные тексты следует рассматривать изначально как предмет определенного рода неосхоластической природы, как «игру в бисер», повод для продолжения нашей собственной интеллектуальной игры как вида некоторого искусства по существующим в академическом сообществе правилам. И, наконец, в-третьих, через подобные тексты вполне возможно вычитывать

сущность современного мира и пытаться понять, что он такое и какова дальнейшая тенденция происходящего сейчас в его обращенности к нашему существованию.

Воронежский государственный университет

Обыденный Д. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Тел.: 8-920-445-87-77

Voronezh State University

Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8-920-445-87-77